

Tab 1

Глава 1

Противно зазвенел колокольчик, когда я, ни на что уже не надеясь, приоткрыл дверь в очередную лавку. Уже седьмую за этот день.

Половицы под ботинками неприятно скрипнули. Здесь давно следовало бы переложить пол свежими досками, однако на это, как обычно, нет денег. Ни у кого и никогда нет денег. Нескрипящий пол — удел магазинов для богачей, где доски — часть рекламы заведения, где без этих досок будет потеряна прибыль.

Где они окупаются.

В общем, нескрипающие доски — это что-то из лавок, в которых мне не рады.

— Здравствуйте. Нет ли у вас какой-нибудь работы? — спросил я, глядя на лавочника. Тот, заслышав, что я пришёл не покупать, а напротив, продавать — пусть и свой труд — сразу поменялся в лице. Приветливая, по меркам этих кварталов, улыбка резко сошла с его лица, и он помрачнел.

— Проваливал бы ты, парень. Нет у меня никакой работы.

— Я умею писать, господин. И знаю арифметику. — я поклонился, вперив взгляд в пол. Кроме того, что доски были скрипучими, они были ещё и очень чистые. Старые — да. Рассохшиеся — да. Но очень чистые, словно хозяин натирал пол каждую минуту, что в лавке не было посетителей.

Редкость для заведений на этих улицах. Возможно, этот человек куда ответственнее прочих дельцов. И несмотря на это, он тоже принадлежит к тем нечистым кругам, что отмечены знаком, висящим у него на двери.

А других работодателей у города для вас нет.

— Я тоже знаю арифметику. — лавочник звучно втянул носом воздух. Это был странный, будто угрожающий, звук. Я знал, что он не нападёт, и всё-таки в этом вдохе прозвучала злость. — И я посчитал, что у меня нет денег на ещё одного рабочего.

Ответив так, он уселся на стул и замолчал, пристально глядя: не стащу ли я чего из лавки, расстроенный отказом. Весь его вид просто кричал: разговор окончен, приговор обжалованию не подлежит, больше видеть и слышать он меня не желает.

Я покорно вышел на улицу. Улицу города, который за несколько месяцев успел возненавидеть. Обернулся на дверь, в поисках знака, который висел здесь на каждом здании — и нашёл его с первой попытки. Круг, разделённый пополам. На этой конкретной лавке — большой полукруглый кошель, а рядом — кучка монет.

Этот знак был везде. На каждой вывеске, лавке, магазине и таверне. Он изменялся, подстраиваясь под природу конкретного заведения, но всегда находился, в том или ином виде. У мясника — стилизованный под полукруг топор, который рассекал кусок мяса. На вывески кузнеца красовалась половинка точильного круга, рядом с которой были насыпаны ножи. Трактирщик повесил половинку пирога и пивную кружку, с которой пена стекала так, что вся форма вписывалась в полукруг.

Этот знак был везде. Везде, куда бы я не шел.

Никто, кроме меня, не замечал единый закон, объединивший все вывески этого города.

Никто, кроме меня, не замечал этот символ на ручках дверей, в дорожных указателях, в стёклах домов и на торговых прилавках.

Но если по сторонам оглядывался я — то знак глядел на меня отовсюду, напоминая, как закончилось всё хорошее в моей жизни.

Напоминая о дне, когда я впервые лицом к лицу столкнулся с Молохом.

Если нас, людей, расплодится слишком много, то нас съест злобный бог, которого зовут Молох. Именно таким я запомнил главный закон этого мира, ещё когда мне было пять лет.

Эту мудрость рассказал мне старейшина, староста нашей деревни, и доказал, показав опыт на мышах, который я помню до сих пор. Старик уверял, что я “многое пойму”, если у меня хватит терпения довести эксперимент до конца. Я довёл. И действительно многое понял.

Мы словили вместе с ним пятьдесят мышей и посадили в ящик. С тех пор каждый день я приходил к высокому бревенчатому зданию, проходил во двор под яблони, где располагался мышиный дом. Я забрасывал туда зерна, которое нужно было зачерпнуть маленькой коробочкой. В этой коробочке, со слов старейшины, было именно столько, сколько нужно пятидесяти мышам на прокорм. Не больше, не меньше.

Я даже заметил одного мышонка, за которым наблюдать было интереснее всего. Я назвал его Ик. Он был небольшим, чёрно-бурым мышонком с белым пятном на ухе. Ик был очень беспокойным. В отличие от других, он постоянно таскал корм из кормушки и закапывал его в постилку. Я наблюдал за Иком по много минут, каждый день, а все другие обитатели ящика были мне мало интересны.

Первый месяц всё шло хорошо.

А потом у мышей начало появляться потомство.

И с тех пор, дом для мышей превратился в ад. Я каждую неделю вытаскивал обглоданные тела маленьких мышат, которые были слишком слабыми. Доставал трупы старых мышей, которые ослабли настолько, что больше не могли отвоевать себе корм, и потому умерли с голоду. Я старался вовремя вытаскивать больных мышей — они могли бы заразить всю стаю, и тогда эксперимент закончился бы досрочно.

Каждый день, когда я приходил засыпать мышам корма, меня встречал старейшина. Он был неизменно весел и бодр, сидел на большом пне возле ящика и заплетал косички на своей длинной бороде. Однако когда мы открывали крышку мышиного дома, он становился хмур и серьёзен, и требовал, чтобы я пересчитал мышей.

Их всегда было пятьдесят. Иногда на пару мышек больше, иногда — на пару мышек меньше.

В один из дней, через три месяца после начала, умер Ик. Он умер от голода: другие мыши растащили его запасы, которые он так старательно закапывал. А к кормушке его, маленького и незлобного, не подпускали уже целый месяц. Старейшина приказал мне похоронить его не так, как было с обычными мышами. Тех я просто выбрасывал, и их съедали бродячие кошки или лисы.

К ним я относился так же, как к мышам, что попадались дома за воровством зерна.

Ик был совсем другой. Я закопал его возле дороги и тогда, закидывая землёй крохотную ямку, впервые заплакал. После того как он погиб, я сказал старейшине, что больше не хочу продолжать. Что всех мышей следует немедленно выпустить в поле, и прекратить всё это.

Старейшина согласился, и мы вдвоём оттащили ящик в поле, где отпустили всех мышей на свободу. Тогда он уселся на этот ящик и предложил мне подумать о мышах.

— Мыши могли бы счастливо существовать, если бы договорились и не плодились выше полусотни. — сказал он тогда. Этот голос, хриплый, с зачатками старческого бормотания, но всё же ласковый и добрый, до сих пор снится иногда. — Но мыши не поступили так. Они грызли друг друга, убивали слабых, воровали еду — и всё равно их осталось пятьдесят. Они сами превратили свою жизнь в страдание и боль. Они пожертвовали всё своё счастье, не получив взамен ничего.

— А почему мыши так делают? — спросил я тогда с детской наивностью. Старик назидательно воздел палец к небу и сказал:

— Молох.

Имя этого мрачного бога осталось со мной навсегда. Я вырос и выучился читать и писать в своей крошечной деревушке, в которой строго-настрога запрещалось размножаться сверх меры.

Люди в деревне боялись его — злую силу, которая сожрала счастье мышей и так же сожрёт наше, человеческое счастье, не дав ничего взамен. Однако, пока старейшина был жив, Молох держался подальше от нашей деревни.

Старик рассказывал, что люди, которые могут заниматься “всем остальным”, способны противостоять Молоху. Обычно под этим он подразумевал вырезание из дерева крошечных статуэток хорьков, кошек и птиц: ими был заставлен весь его дом. Однако нам он предлагал найти себе собственное “всё остальное” и учил, что подбирать следует так, чтобы выбранное было для тебя ярким-ярким, важным-важным, таким, чтобы хотелось посвятить этому всю жизнь. С его слов, именно так можно было сопротивляться миазмам Молоха сильнее и яростнее.

Старейшина нашей деревни был великим учителем и дни, когда он направлял нас, были лучшими днями в моей жизни.

Когда мне было пятнадцать, он умер. И с тех пор всё пошло под откос.

Это началось незаметно. Тогда никто не знал, что мы впускаем Молоха в нашу деревеньку. Однако сейчас, окидывая прошлое взглядом, мне ясно: всё рухнуло тогда, когда Мира, жившая в доме под дубом, что стоял на самом углу деревни, родила тройню. А может быть, всё рухнуло тогда, когда вся эта тройня выжила. И когда хрупкий баланс нашей деревушки впервые пошатнулся.

Нет, конечно, один лишний едок не создаст голода. И даже от двух лишних, люди не начнут голодать так, чтобы грызть друг другу глотки. Но вот один лишний ребёнок в семье вызовет недовольство у остальных — ведь каждый чувствовал, что семья Миры, как дети подрастут, получит целых три пары рабочих рук, вместо привычных двух. И потому вслед за Мирой, ещё две девушки понесли детей сверх меры.

Возможно, будь жив прежний староста, он что-нибудь придумал бы. Нашёл бы слова, надавил бы авторитетом или даже грубо запретил. Уважение и почтение, которыми был окружён старик, превращали его слова в незыблемый закон. Но новым старостой стал его внук — ведь сын ушёл в на войну по призыву лорда. И было этому внуку всего двадцать пять лет.

Ему не доставало опыта. Ему не доставало авторитета. И в отличие от деда, когда в деревне появилось сразу четверо лишних детей, он ничего не смог сделать. Возможно, прикажи он роженицам остановиться, мы какнибудь переварили бы этих четверых детей: отправили бы в город кого из выросших, или помер бы кто при родах. Возможно, сосватай он наскоро кого из девиц в соседнюю деревню — мы вернулись бы к положенной мере.

Но он не сделал ни того, ни другого. И вскоре родился пятый лишний ребёнок. А потом — всё рухнуло.

Через два года пришёл голод. Не ко всем — но семья Миры, кормившая трёх детей, была на грани, и ей пришлось взять зерна в долг. И может быть, тогда, вмешайся наш новый староста, двадцати семи лет от роду, и прикажи снизить долговой процент, муж Миры справился бы с долгом и выплатил его. Но этого не произошло, и когда он тащил эти мешки со ссудным зерном — я впервые увидел знак, который преследует меня с тех пор.

На мешках углём был нарисован круг, разделённый пополам. В этих мешках Молох и проник в нашу деревню, прополз через трещину в хрупком балансе, прокрался через любовь матерей к детям и недостаток опыта нового старосты.

А дальше — всё рухнуло. Семья Миры разорилась через год, и с тех пор пахала в отработку долга. На воротах заимодавца появились новые, железные ручки — два полукруга, круг, разделённый пополам.

Кто-то богател, и тратил всё время, чтобы сохранить богатство и прорваться в круги городских мещан. Кто-то нищал, и пахал всё время, в надежде отработать долг. Всё меньше людей занимались всем остальным. Захирели цветники, разбитые хозяйками. Померли цветные ящерки, которых разводил мой друг. Не было больше и глиняных фигурок, которые делала девушка, жившая напротив моего дома, за которой я так любил наблюдать.

Всё растворилось и куда-то ушло. Деревню поглотил нескончаемый труд на собственное пропитание. Город всё сильнее манил, даруя призрачные надежды на работу, которая позволит не только кормиться, но и покупать что-то сверх того. В какой-то момент, ведомый этим шёпотом, в город ушёл и я.

Ушёл, чтобы возненавидеть его всей душой.

Эллебург поражал своими блеском и нищетой. Это был город, каких много стоит на реке. Обнесённый кольцом стен, он делился рекой пополам. Как и всегда в таких городах, деление само собой породило бедную и богатую половины. Слева от течения реки вы могли встретить дам, гуляющих в одиночестве по мощёным улочкам меж низкорослых домиков в один-два этажа. Могли встретить резные ставни на окнах. Могли встретить детей, играющих под окнами с мячом.

Стоило пересечь мост — и вы попадёте к отделению городской стражи. По сути, единственное, что они делали на правом берегу — это следили, чтобы никто из тех, кому не положено, не пробрался на левый. Потому и сидели около моста, не стремясь углубляться дальше. Дальше в кварталы из высоких, иной раз даже в четыре этажа, домов. Дома те стояли так плотно, что между ними можно было даже не перепрыгнуть — перешагнуть. Дома эти были собраны из древесины, выдавшей лучшие дни, иногда — из отходов, из кусков ящиков, в которых на корабле прибывал товар, из веток, сплетённых в некое подобие стен и дверей, из обыкновенной земли и глины. Зачастую в домах были

ещё этажи — но этажи вглубь, под землю. Там жили, вместе с крысами и слизнями, жили те, у кого не было денег на солнечный свет.

Там, когда у меня кончились деньги на приличную по меркам Правого Берега, комнату, поселился и я. Да-да, вместе с крысами, мышами, пауками, плетущими свои сети, ногохвостками, которые в эти сети самоотверженно попадались, и, что самое ужасное, с другими людьми. С нехорошими людьми.

Помните, я говорил, что в подвалах живут те, у кого нет денег на солнечный свет? Так вот, не только они. Кроме нищих, подобных мне, там живут те, кому даже на Правом Береге стоит скрываться от посторонних глаз. Если пройти дальше по коридору от моей, с позволения, комнаты — хотя лучше назвать её камерой — то можно найти дверь, на которой будет незаметно вырезан круг, рассечённый пополам. На этот раз круг в виде скорчившейся руки и изогнутых кандалов.

Работоторговцы. Худшие из слуг Молоха. Те, кто силой вырывают счастье у других людей и скармливают его своему чудовищному божеству. Логово именно этих тварей было близ моего пристанища. И, может быть, я бы и переселился куда подальше — мало ли подвалов в правобережье, но получить за пол-медяка в неделю комнату в пять квадратных метров было больше негде. В лучшем случае за два.

И всё же, я не хотел проводить близ схрона торговцев людьми и лишнего часа, потому и старался проводить всё время на улице. Я, словно в дурмане, обходил лавку за лавкой, трактир за трактиром, пытался даже устроиться грузчиком в речной док — везде я слышал лишь это извечное “Проваливай, работы нет”. Кажется, в городе было столько желающих остаться за бесценок, что вскоре нанять работника можно будет и вовсе бесплатно.

Впрочем, иногда мне удавалось урвать свой кусок. Когда — вымыть кружки в таверне, ведь их судомойка слегла с тифом. Когда — подсчитать месячную смету в лавке торговца табаком, ведь прежний счетовод накопил достаточно денег, чтобы поступить в школу на правом берегу. Иногда — извести крыс из подвала трактира. Они, конечно, возвращались через неделю, но даже неделя без паразитов спасала изрядно запасов.

У меня хватало денег, чтобы жить. Я даже взял себе за правило хотя-бы раз в месяц есть мясо. Я чувствовал, что если откажусь от этой привычки, то ослабну. Ослабну так, что в ситуациях, подобной той, в которой я оказался, ничего не смогу сделать.

А я услышал крики. Крики ребёнка из тёмной подворотни, в которой ребёнку совершенно точно быть не следовало. Я рванул туда и увидел, как двое мрачных типов с всё тем же кругом из руки и кандалов на пряжке, пытаются затолкать в холщовый мешок девочку.

На вид ей было лет четырнадцать. Это всё, что я успел заметить — людоловы наконец справились со своей жертвой. Я размял пальцы и сжал кулаки.

Из стены так удобно торчала плохо закреплённая доска. Я рванул её к себе, с отвратительным треском выдёргивая. Деревянные клинья, которыми она была прибита к прогнившим балкам, с мерзким хлюпаньем выскочили из своих мест.

Заслышав эти звуки, работоторговцы обернулись. Было поздно: на хребет первому уже опускался мой импровизированный меч.

Я очень не любил насилие. Мне не по душе были драки — возможно, из за этого я был так беден. Однако...

С волками жить — по-волчьи выть.

Глава 2

Я развязал мешок, выпуская его узницу на свободу. Девочка взвизгнула, и её рука вспыхнула синевато-белым огнём.

“Она открытая?” — успела мелькнуть мысль, и её кулак, пылающий магическим пламенем, впечатался мне в живот.

По телу пробежала лёгкая волна тепла, рассеявшаяся через мгновение. Огонь, казавшийся таким грозным, омыл мой живот и исчез. Девочка всхлипнула и, посмотрев на меня, тихо прошептала:

— Не надо...

Я улыбнулся. Во всяком случае, постарался. Наверняка, сейчас я выглядел как чучело — зеркал в бедных кварталах не водилось, а в воду реки я не смотрелся уже дня два. В чиненой-перечиненой хламиде из дешёвого холста, небритый, с чёрными волосами, дотягивающими до плеч... Да, пожалуй, я скорее выглядел как третий работороговец, нежели как прекрасный принц-спаситель. Однако...

— Вылезай давай. Я этих тюкнул, они ещё нескоро оклемаются. — я показал на два лежащих в бессознательном тела. Девочка, уже наполовину выбравшаяся из мешка, вздрогнула и снова посмотрела на меня — на этот раз с какой-то затаённой надеждой. Я наклонился, чтобы быть с ней на одном уровне. — Меня Родерик звать. Ну, или Рори, как хочешь.

— Лизхен... — с опаской косясь на меня, представилась девочка, окончательно выбираясь из мешка. — А ты живёшь здесь?

Я промолчал оглядывая её. Девочка была... красивой. В смысле, *неправильно* красивой для правого берега. У неё были длинные, светлые волосы, чистые ногти на руках, длинные ресницы и странный, какой-то “кукольный” взгляд. Словно она не понимала, где находится и что тут делает.

И, конечно же, её одежда. На ней были длинные брюки свободного покроя, белая рубашка с нашитым на плечо гербом и... корсет, чтоб его! Лёгкий, только на пояс, но всё-таки корсет. Ни одна девочка с правого берега в здравом уме не напялит на себя корсет. От Лизхен так и веяло чем-то богатым, миром, в котором люди могут позволить себе новую одежду, мясо каждый ужин и соль к блюдам.

— Я живу. — согласился я. — А вот ты явно нет. Ты что тут делаешь, принцесса?

— Папу ищу. — задумчиво ответила девочка, оглядывая улицу. — Ты не знаешь, как можно его найти?

Я хмыкнул, прикидывая, что отцу юной леди из богатого района могло понадобиться в нашем захолустье. А, главное, как так вышло, что девочка вообще добралась до этого берега, не остановленная ни матерью, ни няньками-служанками, или кто там у них...

— Думаю, он найдётся. — ответил я. — А тебе бы домой. Здесь места плохие, и желающих маленькую и богатую девочку в мешок и на продажу — полно. Давай я тебя до стражи доведу, а они тебя уже к родителям отправят.

— Мама умерла. — Лизхен ткнула в герб на плече. — А папа должен быть где-то здесь. Он меня оставил ещё давным-давно, и теперь я живу в приюте имени Аннелины Всадницы.

Я вгляделся в шеврон, на который она так настойчиво указывала. Силуэт всё тот же: круг, рассечённый пополам, однако сюжет — необычный. Две большие женские руки обнимали двух младенцев — в синей и красной пелёнке. Поразительно. Значит, это богатых в приютах так красиво наряжают? Ещё и волосы моют. Это как же тогда выглядят богатые дети, у которых есть семья?

— Вот как. Всё равно, здесь опасно. Ты и пары кварталов не пройдёшь.

— Тогда ты проведёшь меня! — радостно заявила девочка. Её руки снова загорелись магическим бело-синим огнём. — Или я тебя заставлю!

Я скептически посмотрел на свой живот, куда один такой огненный удар уже пришёлся. Не было даже подпалин на ткани. Не впечатляло.

— Ты открытая. — констатировал я очевидный факт. — Когда успела? В приюте? Или ещё у родителей?

— В приюте. — с готовностью ответила девочка. — Всех, у кого есть способности к магии, открывают как только получается. Я уже два года умею так! Меня даже мальчики боятся!

— Да. Но ты уже угодила в мешок, верно? Неужели хочешь ещё раз?

Она вдруг нахмурилась и посерьёзнела.

— Ты, наверное, думаешь, что я глупая, правда? — спросила она, отряхивая со штанин какие-то невидимые соринки. — А я не глупая. Я папу спасти хочу. Я же знаю, что он тоже живёт тут. И с мамой я у них случайно получилась. Я же и не видела его никогда. А если я его найду — то смогу спасти отсюда и забрать к себе. А там наследство моё...

Наследство? Оно всё ещё закреплено за девочкой? Впрочем, наверное, за приютами богачей следят, чтобы те не воровали детскую собственность. У меня в голове постепенно начинал созревать план.

— Дай угадаю: если я силком оттащу тебя к стражам, то ты всё равно убежишь?

Лизхен радостно закивала. Чтож. Теперь совесть моя спокойна и я могу смело переходить к воплощению той безумной идеи, что посетила мою буйную головушку.

— У тебя с собой есть деньги?

Она резко вздрогнула и прищурилась, прикрывая кусок рубашки так явно, что даже слепой догадался бы: деньги есть и зашиты там.

— Ага. Вижу что есть. Тогда сделаем так. Я сопровожу тебя по правому берегу. Но для этого тебе придётся снять комнату и купить одежду, более подходящую этим местам. Взамен ты попробуешь открыть меня.

Девочка ахнула от неожиданности. Её глаза округлились, придавая ей ещё больше сходства с дорогой куклой. Она стояла так секунд десять, а потом медленно, как-то опасливо начала.

— Я никогда никого не открывала. Я помню ритуал, но у меня может не получиться.

Ну, этого следовало ожидать. С другой стороны, никто кроме неё даже не подумает провести обряд открытия магических сил в человеке на нищем с правого берега. Открытый магический дар был практически королевским билетом в светлую жизнь — если, конечно, не прирежут раньше, чем ты сможешь его развить до приемлемых значений. Вот Лизхен, например, чуть не... Хотя, вряд-ли прирезали бы. Продали бы за выкуп на левый берег, и через недельку она уже сидела бы в своём приюте.

— Не попробуем — не узнаем. Идёт?

— Идёт! — радостно кивнула девочка, блеснув глазами. Я взял её за руку и потащил в единственное место, где мне будет не страшно оставить ребёнка. В мебелированные комнаты мадам Ци.

Мадам Ци была женщиной, необычной во многих отношениях.

Во-первых, она была до ужаса стара. На вид она была старше чем всё мироздание, а если подумать, я бы с лёгкостью дал ей и семьдесят, и восемьдесят лет.

Во-вторых, в этом почтенном возрасте она могла пробежать по лестнице пять этажей секунд за десять. И, пробежав, оказаться прямо перед тобой не запыхавшись и не покраснев, сохраняя то чуть надменное достоинство, с которым она держалась, кажется, абсолютно всегда.

В-третьих, мадам Ци была иноземкой. У неё была чуть желтоватая кожа и узкие глаза. Она носила странный халат, на котором были вышиты чудовища, и втыкала в волосы длинные спицы из красного дерева. Она умела ругаться на странном языке, который не понимал, кажется, вообще никто в городе кроме неё самой. История не сохранила нам сведений о том, как мадам Ци оказалась в Эллебурге. Возможно, она появилась тут ещё до постройки города, и её отель был первым зданием на этой реке. А может, она приехала всего за год до меня — думаю, она стала бы здесь своей и за три дня.

И, наконец, в-четвёртых. Мадам Ци была открыта. На стене около входа висел длинный меч, и мне однажды довелось увидеть, как она им орудует. Тогда, когда деньги ещё были, и я ещё жил в комнате у мадам Ци, к нам завалилась толпа какой-то пьяни. Они требовали выдать им некого “Людыча!”, который “Точно здесь живёт, отвечаю!”

Мадам Ци несколько раз попросила их убраться вон, а потом сняла со стены меч. Сложно сказать конкретно, что там было — уж больно быстро всё произошло. Просто лезвие засияло золотым светом, а потом на животах, кистях и ногах вдруг открылись раны. Неглубокие, несмертельные — вся толпа убралась живой, хоть от алкоголя их кровь уже не могла свернуться. Однако, она победила целую толпу. И это произошло быстрее, чем я успел заметить движение.

Во-многом, именно после того случая я и убедился, что если тебе нужно переночевать в безопасности на правом берегу, то нет места лучше, чем мебелированные комнаты мадам Ци. Это был их важнейший, неотъемлемый плюс.

Минусом же была цена. Старуха брала за постой три медных монеты в день. Ещё раз: жить у неё было в сорок два раза дороже, чем в том подвале, который снимал я сейчас. А комнаты не то что бы были больше. Нет, разумеется, в них была кровать из дерева, а не тряпье на полу. И на каждом этаже было некое подобие бани — топили до жара их редко, но там был таз с водой и умывальник. И всё-таки...

Именно эту цену, как я надеялся, оплатит для меня новая знакомая. Возможно, жить за счёт четырнадцатилетней девочки — это не очень достойно. Но я старался успокоить себя тем, что у нас взаимовыгодный обмен услуги на услугу, а значит, никаких проблем нет. Тем более, она же богатая, верно? А значит денег у неё полным-полно. И жизнь у мадам Ци — элементарная забота о безопасности, столь важная при выживании одинокого ребёнка на правом берегу.

Когда мы подошли к высокому зданию, уже вечерело. Закатное солнце скрылось за стенами города, и по узким улочкам правобережья пролегли длинные, неприятно густые

тени, в которых могли скрываться — и обязательно скрывались — самые неприятные личности.

Дверь отеля открылась практически без скрипа. Старая иностранка смазывала петли каждые два дня, когда проводила в своих владениях уборку. Однако сегодня, видимо, не был уборочный день. Мадам Ци отдыхала. Она сидела в непомерно огромном для этой сухонькой старушки кресле, в котором, кажется, могло бы поместиться ещё пяток таких, как она. Кресло было чуть откинута назад, поддерживая всё тело домовладелицы. Её глаза были полуприкрыты, но я был уверен: прямо сейчас она прекрасно нас видит, и изучает взглядом.

— Рори? Давненько ты не заходил... — прокряхтела она, садясь ровно. — А это кто? На деревенскую не похожа. Подружка?

— Клиентка. — прикинул я наиболее безопасный ответ. Не стоило подкидывать мадам Ци поводы начать меня презирать. — Мне нужно две соседние комнаты. Можно подвальные.

— Подва-альные? — протянула она, окидывая Лизхен изучающим взглядом. — Ты притащил в мой дом сироту с левого берега и хочешь уселить её в подва-ал?

— Откуда вы... — пискнула Лизхен, но старушка оборвала её жестом руки.

— Я не дура, милочка, и очень многое повидала в своей жизни. Тем более, герб приюта Аннелины Всадницы. Не думаешь же ты, что из узниц приюта ты первая, кто решил сбежать на правый берег?

— Я-а... — девочка замялась. Возможно, она и впрямь думала, что первая.

— Значит так. На четвёртом этаже у меня есть двойная комната. Обычно я держу её для важных гостей, но не думаю, что кто-то статуснее тебя, моя хорошая, покажется здесь в ближайший год. Кровать твоя. Рори я притащу раскладушку.

— Да я и сам могу... — стушевался я, понимая, что мадам Ци, вероятно, действительно притащит раскладушку на четвёртый этаж быстрее и ловчее, чем это сделал бы я.

— Не могёшь. — рассмеялась она скрипучим, сухим смехом. — У тебя ключа от кладовки нет. Иди, атлет. Располагайтесь. Четыре медью за каждый день.

— Всегда три ведь было!

— Ну, так то ты жил в простой комнате. А тут — королевский люкс.

Вот ведьма! Впрочем, надо было признать: комната, которую мне выдали, и впрямь была огромна. Под “Двойной” буквально понималась одна огромная комната, разделённая поперёк перегородкой из натянутой на раму бумаги, на которой были нарисованы те же чудища, что были вышиты на халате домоправительницы. Будет ли Лизхен комфортно засыпать под взглядом этих страшилищ? А кто ж её знает.

И вправду, в одной половине комнаты стояла большая деревянная кровать. Спустя минуту после того, как мы зашли, мадам Ци вбежала в комнату, держа раскладушку над головой. Теперь спальное место появилось и у меня.

Надо было всё-таки расспросить Лизхен о её отце. Искать случайного, возможно уже мёртвого, мужчину на правом берегу — всё равно что искать иголку в стоге сена. Не найдём никогда. Нужны были улики, зацепки, места, адреса... Хотя чтонибудь, одним словом.

Именно в надежде получить эти самые зацепки, я и обратился к девочке. И нельзя сказать, что я совсем не нашёл того, что искал, но... Впрочем, смотрите сами.

— Эй, Лизхен, а как мы будем искать батю твоего-то? Адреса? Пароли? Явки?

Девочка радостно кивнула.

— Да! Мама рассказывала, что у него были длинные золотые волосы. И огромная труба.

Я шлёпнул себя по лбу, в отчаянии осознавая, насколько велик на самом деле размах проблемы. Подобное описание никак не вязалось с портретом типичного жителя правого берега. Более того, не вязалось оно и с портретом нетипичного жителя. Скорее, это было похоже на...

— Лизхен, ты понимаешь, что твой отец мог быть странствующим бардом?

Девочка сначала посмотрела на меня непонимающе. А потом, когда до неё дошло, куда я клоню, в глазах заплесал ужас.

— То есть, он мог... уехать?

Я кивнул.

— Совсем-совсем далеко?

— За четырнадцать-то лет?

— Мне тринадцать!

— За тринадцать-то лет? Да, он мог уехать очень, очень далеко.

— Я... — пробормотала девочка. — Я чтонибудь придумаю! Только завтра. Я хочу спать.

На том мы и порешили. Как же приятно было провести ночь в настоящем, тёплом, высоком жилище. Как же замечательно было спать на настоящем матрасе, а не на куче тряпок поверх голой земли. Как же хорошо было в мебелированных комнатах мадам Ци...

И я уснул, уснул быстро, как засыпаю всегда. Уснул, чтобы на следующее утро быть ошеломленным новостью, которой я совершенно не ожидал.

Я проснулся из-за Лизхен, старательно расталкивающей меня. Когда я продрал глаза и, наконец, сфокусировал взгляд, я понял, что девочка уже одета, обута, расчёсана и бодра. Как давно она встала, чтоб её?

— Я всё придумала! — воскликнула она, потрясая какой-то бумажкой! — Я придумала, что мы будем делать. Мы отправимся в путешествие! В настоящее приключение на поиски моего папы! Я читала в книжках, все так делают!

Во всём этом было так много детского восторга, что мне стало даже немного неудобно возвращать её в реальность. В конце-концов, она богатый ребёнок, который, путь и потерял родителей но, кажется, не познакомился с тяготами жизни. В смысле, я видел, как в ней всё ещё сквозит та наивность и непринуждённость, которую я последний раз видел... пожалуй, ещё в детстве, в своей деревне. Старейшина и его путь "всего остального" защищали нас от реальности, в которую пришлось выйти, примерно так же, как эту девочку защищало богатство. Она просто не сталкивалась с жизнью, где нужно выгрызть себе само право оставаться живым.

— Смотри! Я даже нарисовала для нашей команды герб! Мы нанесём его на доспехи и щиты! — похвасталась она, протягивая мне лист бумаги.

На листе красовался простой рисунок карандашом. Он был исполнен... внезапно, весьма компетентно. Не сказать, что талантливо, однако это был тот уровень, которым

отрисовывают иллюстрации в дорогих книгах. Похоже, всё то время, что мы тратим на поиски пропитания, богатые дети тратят на освоение различных навыков.

На гербе было две полосы, свитые в пучок дорогой. В смысле, девочка буквально нарисовала дорогу как ленту, которая обвивает простые линии. Сверху, на этой копне... карандашных росчерков красовалась подробно детализированная сорока.

— Почему сорока? — удивился я, примерно поняв содержимое остального герба. Дорога, и всё такое. Герб для искателей приключений, в общем.

— Они всегда сидели на окне приюта. — ответила девочка. — Поэтому я хорошо знаю, как они выглядят.

По моей душе разливалось какое-то тёплое и очень счастливое чувство. Впервые за последние годы я смотрел на герб, который не был вписан в круг. Смотрел на девочку, ещё свободную от Молоха.

— Если тебе несложно, давай вместо сороки будет мышь. Чёрная, с белым пятном на ухе.

Глава 3

Нам предстояло замаскировать мою напарницу по ордену искателей папы имени Мышонка Ика. Над названием совершенно точно следовало ещё поработать, но общая суть была именно в этом. Я как-то морально свыкся с идеей, что я вместе с незнакомой сиротой пойду черт знает куда искать возможно мёртвого странствующего барда.

Почему с этим так легко было свыкнуться? Наверное, из-за того герба, который она нарисовала. Я почувствовал, как она, приглашая меня в это путешествие, приглашает меня в собственное “всё остальное”. То всё остальное, которое могло охватить весь мир, если дать ему волю. Всё остальное, подкреплённое семнадцатью золотыми монетами, обнаруженными в подшивке рубашки. Состоянием, на которое мы могли бы прожить у мадам Ци всю жизнь. На которое можно было бы купить телегу и лошадь, закупить товара и отправиться купцом, намалевав на своей бродячей лавке что-нибудь с кругом, разделённым пополам.

Или на эти деньги можно было бы купить хороший дом в деревне, скота, зерна и жить сельским хозяйством — как я и думал жить когда-то в детстве. Возможно, если бы я с этими деньгами вернулся в свою деревню, выплатил бы все долги и попробовал вернуть былой баланс?

И мы потратим эти деньги, пытаюсь угнаться за тенью. В этом... что-то было. Что-то призрачно, неуловимо хорошее, правильное, в ответ на что давно умерший староста нашей деревни бладушно покачал бы головой. Мы потратим их не на преумножение, не на размножение, не на победу в конкурентной борьбе. Мы потратим их на попытку помочь маленькой девочке исполнить её девичью мечту.

Мы не станем тратить их на очередную жертву на алтарь Молоха. Мы потратим их на всё остальное.

И сейчас мы планировали потратить их на платье, которое будет пристойно для жительницы правого берега, или для странницы, которая будет путешествовать вместе со мной от города к города. На одежду, на которой не будет герба элитного детского приюта, на брюки, которые не путаются, на обувь, в которой можно пройти от города до города, не стёрв ноги в кровь.

На которой точно, совершенно точно не будет корсета!

И вот мы шли по торговому кварталу правобережья. Это место было... странным. С одной стороны, вся половина города утопала в нищете и криминале. Работал жестокий и холодный отбор, потому что всякий, кто хоть немного выбивался, поднимался над планкой полной нищеты, стремился пересечь мост и устроиться на левом берегу. Пусть в бедных кварталах левого берега — да-да, там были и такие, но бедные кварталы левого берега уже пользовались всеми общественными благами. Там вездесущей стражей была искоренена преступность. Там регулярно проходящими золоторями были вычищены все отходы. Городские садовники высаживали там кусты цветов и стригли их. И, самое главное, поселиться там мог любой. Любой, кто мог позволить себе выплачивать каждый месяц городской налог.

Да, именно это отличало левый берег и правый. Жизнь на правом берегу была бесплатной. Ты мог не иметь вообще ничего — жить воровством еды, и никогда не встретиться с властью. Чтобы жить на левом, тебе приходилось платить налог. Каждый месяц, неумолимый и неотвратимый. Эта фиксированная мзда, от которой нельзя было ни отвертеться, ни отбрезаться, превращала левобережье в цивилизованный, упорядоченный мир. И она же закрывала проход туда для людей моего уровня достатка.

На семнадцать монет, которые были у Лизхен, я мог бы выплачивать налоги две сотни лет.

Так вот. Все те торговцы, расположившие свои прилавки по аллее, в глубине души надеялись, что именно им повезёт. Они просыпались утром и до вечера надрывали глотки, зазывая к себе покупателя, храня в душе мечту накопить на взнос — двадцать ежемесячных налогов — и получить право на жительство на левом берегу. Там они могли бы так же открыть лавку или устроиться в найм — единожды прорвавшись на левый берег, совсем разориться было сложно.

Что самое важное: они не были не правы в своих мечтах. Возможность, которой они грезили, действительно существовала. Чуть ли не каждую неделю находились те, кто, подведя итоги дня, счастливо восклицали и воздевали руки к небесам. Такие люди закрывали свою лавку, снимали вывеску, упаковывали в ящик остатки товара — и больше никогда не появлялись на торговой аллее правого берега.

И этот удивительный симбиоз двух разных миров эффективно существовал. Правый берег тонким, но непрерывным потоком поставлял налево инициативных, пробивных и талантливых, способных вгрызаться в жизнь и вырывать из неё свою судьбу. Левый берег обеспечивал этим людям возможности проявить свой талант и достичь вершин. А между ними, как безучастный, строгий, но справедливый экзаменатор, висел мост. И ты мог купить билет, чтобы пройти по этому мосту. Цена на этот билет была известна, и она была единая для всех без исключения.

Эта игра была по-своему честной. Во всяком случае, у неё не было особых правил ни для кого. На мост не было особой, блатной тропы. Заплатить должен был каждый.

И сейчас, находясь на главной арене, где разворачивался главный бой этой игры, я ненавидел эти правила, этот мост, и всю эту игру. Каждый из этих лавочников делал ставку. Одному везло. Ставки остальных пожирал Молох. И сейчас мы станем невольными участниками этой игры — пусть не как участники, а лишь как источник дохода для реальных игроков. Но всё-таки.

— Выбирай любую лавку с одеждой. — предложил я Лизхен. Девочка глазела по сторонам, опасливо и с каким-то трудным оттенком недоверия и отвращения.

— А тут всё такое некрасивое? — шепотом спросила она, дёрнув меня, чтобы я склонился.

— Ага. Думаю, рубашка, которая сейчас на тебе — это самый дорогой товар на всей аллее.

Это и впрямь скорее всего было правдой. Вернее, наверное, здесь можно было как-то купить себе жильё, или, там, лошадь. Но если брать конкретно эту улочку, где торговали в основном одеждой, да утварью всякой — глиняными горшками, вениками, пучками каких-то трав — шёлковая рубашка Лизхен и впрямь была бы самым дорогим товаром. Предвидя это, я попросил у мадам Ци тёплый шерстяной плащ, в который мы укутали девочку. Не стоило светить её богатством.

— Правда? — удивилась девочка. — Обычная рубашка... Такие всем в приюте выдают!

— Правда. — подтвердил я. — Тебе, наверное, только предстоит узнать, насколько мы здесь беднее, чем вы там.

Наконец, Лизхен ткнула в одну из лавок. Это была одна из самых состоятельных лавок правого берега. Во-первых, у неё было собственное, отдельное здание. Обычно тут все торговали с фургонов и телег, в лучшем случае — строили навес. А тут был прям домик, сбитый из кусков корабельных ящиков и даже выкрашенный в какой-то чёрно-зелёный цвет. В этой лавке по большей части продавалась одежда, которую покупали докеры. Вообще, именно докеры были своего рода привилегированной прослойкой обитателей правого берега. У них был постоянный заработок, и иногда — довольно большой постоянный заработок. И, что гораздо важнее — докеры во время разгрузки кораблей иногда могли ступить на землю левого берега, ничего не уплачивая. Разумеется, за попытками их побега строго следили, но всё-таки сам шанс коснуться той райской земли, на которую столь многие тут глядели через сверкающую гладь реки...

И потому докеры могли позволить себе одежду покрепче, а торговец, продававший им эту одежду, давно пересёк реку. Но, видимо, эта лавка была достаточно прибыльной, чтобы он не забросил её сразу как появилась возможность. Нет, совсем нет. Вместо этого, хозяин раз в неделю сам приезжал в лавку, забирал прибыль и назидал мальчишку, которого нанял в продавцы.

Мальчишка тот ходил гордый-гордый, щеголяя сапогами из настоящей кожи. Ему не только платили достаточно много — настолько много, что он мог позволить себе жить у мадам Ци, где я с ним и познакомился. Насколько много, что он даже делал накопления, обещая, что соберёт достаточно денег и купит себе обучение в школе.

Похвально. Парень явно знал, чего хочет, усердно работал ради этого и у него были все шансы преуспеть. И вот сейчас он встретил нас радостным “Добро пожаловать!”. На нём и сейчас были его любимые сапоги, а также докерский комбинезон: с ремнями, поясом, на котором работяги таскали верёвки и инструмент, а у парня за этот пояс была заткнута толстенная записная книжка: он учился вести бухгалтерию лавки и преуспевал.

— О! Родерик! А куда ты запропастился? — со всей непосредственностью, на которую был способен шестнадцатилетний юнец, спросил он.

— Деньги кончились. Перебрался в подвалы. А вот теперь нашёл немного денег. И, вот... — я молча ткнул в Лизхен, думая, как бы её представить.

— Ух-ты! У тебя есть дочь? — удивлённо спросил он. — А она в твоей деревне оставалась? Или это сестра?

— Это... Э...

— Я сирота! — заявила Лизхен, разрушая всякие шансы успешно соврать. — А он помогает мне найти отца!

— Вот как... — серьёзно покивал паренёк, словно делал какие-то выводы. — И вам нужна одежда? Рори, то, что ты носишь, это просто кошмар. Ты же хороший парень! А выглядишь так, словно только вышел из запоя. Или не вышел даже. Смотри, какой отличный костюм!

Парень с энтузиазмом потащил меня к полке, на которой лежали тёмно-синие и буро-зелёные брюки и рубашки со всё теми же вездесущими ремнями.

— Покупай! Век им сносу не будет. Отличная одежда. Или тебе цельный? Понимаю, одобряю! — продавец гордо указал на себя, козыряя своим единым комбинезоном. — Такие у меня тоже есть. Смотри! — и он подтащил меня к другой полке.

Стоит ему сказать? Да, наверное, стоит.

— Мы, в общем-то, пришли не мне покупать одежду. Нам бы для неё что-нибудь. — я указал на Лизхен, и та закивала, скидывая плащ. Парень, оглядев её, присвистнул.

— Боюсь, для столь... притязательной барыни у нас ничего не найдётся. — покивал он со знанием дела. — Рори, ты куда притащил эту принцессу? Более того, откуда ты её взял? Она же левобережка! Это и дураку ясно!

— Я знаю, Тимми. — я, наконец, вспомнил, как зовут этого энергичного юнца. — И она с левого берега убежала, батю искать. А я ей помогаю, потому что в одном квартале от моста её уже сцапали работоторговцы. И в том, что сейчас на ней, ходить по улицам опасно. И неудобно. Выряди её так, чтобы ей жить удобно было.

— А у девочки-левобережки есть деньги? — хитро прищурился Тимми, оглядывая Лизхен совсем другим взглядом. — Если есть, то...

— Не больше двадцати медяков. — строго ограничил я.

— Ну, тогда простую докерскую. Могу подогнать по фигуре, меня хозяин обучил. Пойдёт?

— А чем ты там так интриговал? — спросил я, увидев, как по лицу Тимми проскочило разочарование.

— О... Это обойдётся вам в пятьдесят. — он покопался где-то за прилавком и достал оттуда упакованную в холст материю. Развязав мешок, он извлёк оттуда... одежду, что всем одежам была одеждой! Рубашка из плотного льна, прошитого двойным стежком. На запястьях — манжеты из плотной кожи со шнуровкой. По вороту и нижнему краю — красной ниткой вышит геометрический узор. Брюки — галифе, из мягкой кожи, подпоясанные уже расстёгнутым ремнём с большой железной пряжкой: половинка штурвала и половинка пушечного ядра. Широкий кожаный пояс, напоминавший тот корсет, но гораздо грубее и функциональнее — с петельками, чтобы подвешивать инструменты и верёвки.

— Ещё за пять подберём к ним сапоги. Хотя, на неё... — Тимми хмыкнул. — Чёрт с ним, ещё за десять я сам подобью сапоги к её ноге. Морское! Даже капитану корабля носить такое будет не стыдно. А! Черт, забыл. У неё воротник же ещё!

Из мешка показался широкий морской воротник, чёрный, как и брюки и пояс, с вышитыми всё той же красной ниткой узорами по кайме.

— Если берёте, подгоню всё по размеру в подарок от фирмы. Оставишь мне свою сиротку на часик-другой, ну или сам тоже тут сиди. И подумай, подумай, то, в чем ты ходишь, отвратительно пред взором Божьим.

Лизхен перевела на меня умоляющий взгляд. Я понял, что не смогу отказать.

Через два часа, Лизхен щеголяла образом заправского матроса. Мы вывалили семьдесят (“Купи себе хоть штаны новые! Скоро достоинство вываливаться будет!” от Тимми принудило и меня обновиться) медных монет, искренне стараясь делать вид, будто лавочник оставил нас без гроша. На самом деле, если перевести по примерному курсу, то у нас этих монет было около семнадцати тысяч. Разумеется, прямой курс “Тысяча медяков за золотой” найти можно только в банках на левом берегу, но и здесь обмен будет плюс-минус такой. Так, мадам Ци, у которой мы и поменяли один золотой, отдала нам девятьсот пятьдесят три монеты, остальное назвав “Комиссией”.

Мы пришли домой, и уже выглядели как люди. Я растопил баню (медяк на дрова у старой домовладелицы, не гнушавшейся продавать всё на свете), и вымылся. После меня сходила на банные процедуры Лизхен. И вот мы были чистые и в обновках. Орден поисков папы имени Мышонка Ика становился презентабельнее. А над названием всё ещё нужно было поработать.

Удивила и мадам Ци. Когда мы уже вымылись, она вдруг зашла в комнату и передала два шеврона: герб нашего объединения, вышитый разноцветными нитками. На мой немой вопрос, она ответила, что это подарок, потому что “она давно не видела такой очаровательной постоялицы”.

Вообще, все, кто жил в мебелированных комнатах мадам Ци знали, что она постоянно вышивает нитками. Она вышивала картины, гербы, портреты долгих постояльцев и ещё много что. И, что самое странное — она всё это просто дарила. Тем же самым постояльцам, случайным людям, инспектору стражи, иногда захаживавшему на чай. Иногда она ходила на торговую улицу и просто раздавала эти вышивки всем желающим.

Никто не знал, зачем мадам Ци это делает. Но я видел много её работ: ни одна из них не была похожа на рассечённый пополам круг.

И потому, всякий раз, когда я видел её за нитками и пальцами — я просто тихо улыбался.

Лизхен гордо пришила новую эмблему на плечо своей моряцкой рубахи, после чего заставила меня сделать то же самое. Не то что бы я сильно отпирался. После, придирчиво оглядев меня, кивнула.

— А теперь давай тебя открывать! — вдруг заявила меня, грянув как гром среди ясного неба.

— Что? — я не сразу понял, о чём она.

— Ты сказал, что за помощь хочешь, чтобы я тебя открыла. Я тут подумала — чем раньше ты тоже научишься вот так, — она сделала пару ударов по воздуху горящими кулаками — тем меньше шансов что злодеи на нас нападут и похитят!

Я не стал напоминать ей, что её собственные умения в магии не помогли ей ни против работорговцев, ни против меня. В конце концов, может быть, магия просто становится сильнее с возрастом? Так или иначе, она что, хотела провести это прямо сейчас?

Оказалось, что да. Лизхен раздобыла где-то свечи — я подозревал, что это произошло, когда мы бродили по торговой аллее и я отвернулся всего на пару минут. Долго, высунув язык от усердия, она чертила на полу углём сложный узор и расставляла свечи по периметру. Я с интересом — и полным непониманием происходящего — наблюдал за девочкой. В какой-то момент она вдруг остановилась, удовлетворённо кивнула и показала на место в центре узора.

— Вставай сюда!

Я послушно встал.

— Ты же знаешь, что у большинства людей нет никакого дара и ритуал никак не поможет? — уточнила она.

— Знаю. Я уверен, у меня он есть.

Уж больно уникальным я был, когда видел все эти знаки Молоха.

— Тогда я начинаю! — заявила девочка и воздела руки. Свечи зажглись огнём — таким же бело-голубым, как кулаки Лизхен. По угольным линиям побежали искры.

Ритуал открытия магии во мне начался.

Глава 4

Линии заклинательного круга сияли. Девочка пела что-то на незнакомом языке. А я... ничего не чувствовал. Да, время от времени пробежали волны тепла. Да, иногда становилось щекотно. И да, конечно, по моим волосам постоянно скакали разноцветные искорки.

Но не было ничего такого, что я ожидал бы от “открывшейся во мне магии”. Ни какой-то необычной ясности вещей, ни чувства собственного даа, просто ничего. Так прошло пятнадцать минут. Полчаса. Час. И, наконец, Лизхен устало осела на пол.

— Я не понимаю. — заявила она. — Я видела что происходит с детьми, у которых нет таланта! Ничего просто не работало! Круг не светился! А ты... Бррр... Всё словно идёт как надо, но ты не заволашбниваешься.

Я чуть усмехнулся с этого неологизма. Или, может быть, в кругах одарённых это было общеупотребимое слово?

— В общем, если тебя можно было открыть, то я тебя открыла. Не знаю, почему ты до сих пор ничего не ощутил.

Чтож, грустно. Но, наверное, не жили богато — нечего начинать? Ладно, плохая поговорка, учитывая, что я за сегодня потратил больше средств, чем за последний месяц. Но вы поняли, к чему я клоню.

Потратив ещё минут десять на уборку — надо было убрать накапавший воск, тщательно вымыть пол и хотя-бы немного проветрить комнату от дыма, мы легли спать. Завтра предстояло развернуть поисковую операцию. Хотя-бы... какнибудь. Если честно, представления о поисках странника, который ушел тринадцать — или, если сделать поправку на срок беременности, то четырнадцать лет назад, у меня были крайне смутные. То, есть, наверное у стражи есть архивы о всех, кто попадал на левый берег. Наверное он

попадал, раз как-то познакомился с матерью Лизхен. Но других зацепок не было. И это уже была проблема.